

ПРИЛОЖЕНИЕ

ΕΠΙΣΤΗΤΙ ΔΙΑΤΡΙΒΑΕ

БЕСЕДЫ ЭПИКТЕТА

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
Г. А. ТАРОНЯНА

NOTICE

NOTICE

NOTICE

NOTICE

NOTICE

КНИГА ВТОРАЯ

(продолжение)

XXIII. О СПОСОБНОСТИ ГОВОРИТЬ

(1) Книгу всякому, пожалуй, читать приятнее и легче, когда она написана более отчетливыми буквами. Неправда ли, и речи всякому, пожалуй, легче слушать, когда они выражены ясным и вместе с тем изящным языком? (2) Значит, нельзя говорить, что нет никакой способности к выразительности. Ведь это может говорить человек нечестивый и вместе с тем малодушный. Нечестивый, потому что он не ценит милости от бога, — это как если бы он отрицал полезность способности видеть или способности слышать, или самой способности произносить слова. (3) Так разве напрасно дал тебе бог глаза, напрасно вложил в них жизненный дух ¹²⁶, настолько сильный и искусный, что, достигая далеко, он лепит отпечатки всего видимого? И какой вестник настолько стремителен и усерден? (4) А разве напрасно он и промежуточный воздух сделал настолько действенным и напряженным, что зрение, как-то поддерживаемое им ¹²⁷, проходит через него? А разве напрасно создал он свет, без чего все то было бы бесполезным? (5) Человек, не будь неблагодарным, как и не будь не помнящим о том, что лучше. За зрение и слух и, клянусь Зевсом, за самую жизнь и все содействующее ей, за сухие плоды, за вино, за оливковое масло, будь благодарным богу. (6) Однако помни, что он дал тебе нечто другое, лучше всего этого, то, что имеет целью пользоваться всем этим, одобрять, определять ценность того или иного. (7) В самом деле, что именно заявляет о каждой из этих способностей, какова ее ценность? Разве каждая способность сама? Разве от способности видеть ты когда-нибудь слышал, чтобы она говорила что-то о самой себе, или — от способности слышать? ¹²⁸ Нет, как служанки и рабыни, они назначены служить способности пользоваться представлениями. (8) И если ты спрашиваешь, какова ценность того или иного, — кого ты спрашиваешь? Кто тебе отвечает? Так как же может какая бы то ни было иная способность быть лучше этой, которая и всеми остальными пользуется как служанками, и сама одобряет то или иное и заявляет? (9) В самом деле, какая из них знает, какова она сама и какова ее ценность? Какая из них знает, когда следует пользоваться ею и когда не следует? Какая именно способность открывает и закрывает глаза, отворачивает их от того, от чего следует отворачивать, а на другое направляет? Способность видеть? Нет, способность свободы воли. (10) Какая способность запирает и отпирает уши? Какая способность это, благодаря которой мы проявляем пытли-

¹²⁶ См. III, 13, 15.

¹²⁷ «как-то... им» — δι' αὐτοῦ (в одной рукописи) τετιομένου (конъектура) πως. В рукописях: διὰ τοῦ γενομένου πως (?)

¹²⁸ Дальше в рукописях следуют вопросы: «Или от пшеницы? Или от ячменя? Или от лошади? Или от собаки?», которые исключаются из текста.

вый интерес или, напротив, равнодушие к слышимому? Способность слышать? Не иная, как способность свободы воли. (11) И вот, видя, что все остальные способности, среди которых она находится, слепы и глухонемы, и что им недоступно ничего, кроме самих тех действий, для выполнения которых они назначены служить ей, а что только она одна обладает зоркостью и постигает своим взором как все остальные, какова ценность каждой, так и самое себя, — может ли она заявлять нам, что самое лучшее — это что-то иное, а не исключительно она сама? (12) И что иное делает глаз, когда он открыт, кроме того, что смотрит? А следует ли взглянуть на чью-то жену, и как взглянуть, — какая способность говорит нам это? Способность свободы воли. (13) А следует ли поверить сказанному или не поверить и, поверив, отзываться на это или нет, — какая способность говорит нам это? Разве не способность свободы воли? (14) А сама способность к слогу и к украшению языка, если только это какая-то особая способность, — что иное делает, когда зайдет речь о чем-то, кроме того, что украшает и складывает словечки, как наводящие красоту укладывают кудри? (15) А лучше ли сказать или промолчать, и так ли лучше или этак, и подходит ли это или не подходит, и о своевременности того или иного и надобности, — какая иная способность говорит нам это, как не способность свободы воли? Так ты хочешь, чтобы она выступила и вынесла решение против себя? (16) «Что же ¹²⁹, — говорит один, — если дело обстоит так, тогда и служащее может быть лучше того, кому оно служит: конь — всадника, или собака — охотника, или инструмент — кифариста, или слуги — царя». (17) Что именно пользуется всем остальным? Свобода воли. Что заботится обо всем? Свобода воли. Что целиком уничтожает человека то голодом, то петлей, то прыжком с кручи? Свобода воли. (18) Тогда что сильнее этого у людей? И как возможно, чтобы все то, что испытывает помехи, было сильнее того, что неподвластно помехам? (19) Что по своей природе может препятствовать способности видеть? И свобода воли, и все то, что не зависит от свободы воли ¹³⁰. То же самое — способности видеть, точно так же — способности к слогу. А что по своей природе может препятствовать свободе воли? Независящее от свободы воли — ничто, но только — она сама себе, когда она превратна. Поэтому пороком становится только она одна, добродетелью — только она одна. (20) И вот пусть она, обладающая такой огромной силой и поставленная над всем остальным, выступит перед нами и скажет, что самое лучшее среди всего существующего — плоть. И если бы сама плоть говорила, что она — самое лучшее, едва ли кто-нибудь стерпел бы ее. (21) А в действительности что такое, Эпикур, то, что заявляет это? То, что сочинило О ц е л и ж и з н и, О п р и р о д е, К а н о н ¹³¹? То, что отпустило твою бороду ¹³²? То, что писало при смерти: «В этот мой последний и вместе с тем счастливый день» ¹³³? (22) Плоть или свобода воли? И ты еще, признавая у себя что-то лучше этого, не сумасшедший?! Ты действительно так слеп и глух?

(23) Так что же, не ценит ли кто остальные способности? Ни в коем случае. Говорит ли кто, будто нет никакой пользы или продвижения вне ¹³⁴ способности свободы воли? Ни в коем случае. Это нелепо, нечестиво, неблагоприятно по отношению к богу. Но всему определяют свою ценность. (24) Есть ведь и от осла определенная польза, но не такая, как от быка; есть и

¹²⁹ §§ 16—19 считают сомнительными (или с пропуском, или перенесенными сюда из другого места, или интерполяцией).

¹³⁰ *ἀπροκίρητα* — конъектура. В рукописях — *προκίρητα* (...что зависит...).

¹³¹ Названия сочинений Эпикура.

¹³² См. прим. 20 к I, 2, 29 и III, 1, 24.

¹³³ Начало предсмертного письма Эпикура к Идоменею (см. Д и о г. Л., X, 22).

¹³⁴ Конъектура (предложение не очень ясно).

от собаки, но не такая, как от раба; есть и от раба, но не такая, как от граждан; есть и от граждан, но не такая, как от высших должностных лиц. (25) Однако, из-за того, что одно лучше, нельзя не ценить и ту пользу, которую приносит другое. Есть определенная ценность и у способности к слогу, но не такая, как у способности свободы воли. (26) Таким образом, когда я говорю так, пусть никто не думает, что я требую от вас пренебрежения к слогу. Не требую ведь я пренебрежения ни к глазам, ни к ушам, ни к рукам, ни к ногам, ни к одежде, ни к обуви. (27) Но если ты меня спросишь: «Что же самое лучшее среди существующего?» — что мне назвать? Способность к слогу? Не могу. Но я назову способность свободы воли, когда она стала правильной. (28) Ведь именно это есть то, что и ею пользуется, и всеми остальными и малозначительными и важными способностями. Когда это преуспеет в правильности, человек становится добродетельным, когда не преуспеет, человек становится порочным. (29) В соответствии с этим испытываем мы неблагополучие, испытываем благополучие, жалуемся друг на друга, довольны, одним словом, когда это предано забвению — приводит к несчастью, когда об этом заботятся — приводит к счастью.

(30) Но отрицать способность к слогу и говорить, что в действительности нет никакой такой способности, может человек не только неблагодарный по отношению к давшим ее, но и малодушный. (31) Ведь такой человек, кажется мне, боится, как бы, если действительно есть какая-то способность в этой области, мы оказались не в состоянии пренебречь ею. (32) Таковы и говорящие, что нет никакого отличия красоты от безобразия. Ну разве одинаковое впечатление производил вид Терсита и вид Ахилла? Разве одинаковое — вид Елены и вид какой попало женщины? (33) Это тоже глупо и дико, и говорить это могут люди, которые не знают природу того или иного, но боятся, как бы, если почувствовать это различие, тотчас не оказаться схваченными и побежденными. (34) Но важно вот что: оставить за тем или иным свою имеющуюся способность и, оставив, рассмотреть ценность этой способности, постичь самое лучшее среди всего и его во всем добиваться, им серьезно быть занятым, остальное считать побочным по отношению к нему, однако не пренебрегая и этим остальным по возможности. (35) Ведь и о глазах следует заботиться, но не как о самом лучшем, а о них тоже — ради самого лучшего: потому что оно не будет иначе в состоянии соответствия с природой, если не будет рассчитывать посредством их и предпочитать то-то одно тому-то другому. (36) Что же на самом деле получается? Это как если бы человек, возвращаясь на свою родину и встретив на своем пути красивую гостиницу, оттого, что она ему понравилась, остался в этой гостинице. (37) Человек, ты забыл о своей цели: твой путь лежит не к гостинице, а через нее. «Но она прекрасна». А сколько других прекрасных гостиниц, а сколько лугов! Но все это — просто встречающееся на пути. (38) А цель твоя — вот эта: вернуться на родину, избавить родных от их опасений, исполнять свои обязанности гражданина, жениться, рожать детей, отправлять установленные должности. (39) Ты ведь явился не для того, чтобы выбрать места, по-нашему, попрекраснее, но для того, чтобы жить среди тех, среди которых ты родился и в числе которых назначен гражданином. Нечто такое на самом деле и здесь получается. (40) Поскольку необходимо обращаться к посредству слова и такого преподавания, чтобы дойти до совершенства, очистить свою свободу воли, сделать правильной способность пользоваться представлениями, а преподавание теоретических правил неизбежно должно вестись и посредством определенного стиля, и с какой-то сложностью и тонкостью теоретических правил¹³⁵,

¹³⁵ Предлагается конъектура (вместо «теоретических правил»): «в терминах». Предлагается и исключить из текста.

(41) то некоторые, пленяясь именно этим, тут и остаются, один пленяясь стилем, другой — силлогизмами, этот — изменяющимися рассуждениями, тот — другой какой-нибудь такой гостиницей, и оставшись там, гниют, как у Сирен. (42) Человек, твоей целью было сделать себя умеющим пользоваться возникающими представлениями в соответствии с природой, в стремлении не терпящим неуспех, в избегании не терпящим неудачу, никогда не терпящим невзгоды, никогда не терпящим злополучия, свободным, неподвластным помехам, неподвластным принуждению, сообразующимся с управлением Зевса, повинующимся этому управлению, ни на кого не жалующимся, никого не винящим, могущим произнести эти стихи от всей души:

Веди меня, о Зевс, и ты, Судьба моя ¹³⁶

(43) И вот, имея такую цель, ты, оттого что тебе понравились стилистические штучки, понравились какие-то теоретические правила, тут и остаешься и тут предпочитаешь поселиться, забыв о своих делах дома, и говоришь: «Все это прекрасно»? Да кто говорит, что все это не прекрасно? Но — как встречающееся на пути, как гостиницы. (44) В самом деле, что мешает говорящему слогом Демосфена терпеть невзгоды? А что мешает сводящему силлогизмы к схемам, как Хрисипп ¹³⁷, быть несчастным, сокрушаться, завидовать, одним словом, жить в смятении, жить в злосчастьи? Ничто. (45) Так ты видишь, что все это, оказывается, гостиницы, ничего не стоящие, а цель, оказывается, другая. (46) Когда я говорю так некоторым, они думают, что я отвергаю старание в умении говорить или в теоретических правилах. А я не его отвергаю, но всецелое увлечение всем этим и возлагание на это своих надежд. (47) Если внушающий такие взгляды причиняет вред слушателям, то и меня считайте одним из причиняющих вред. А я не могу, вида самым лучшим и самым главным одно, называть им другое, чтобы угодить вам.

XXIV. С ОДНИМ ИЗ НЕУВАЖАЕМЫХ ИМ

(1) Как-то один человек сказал ему: Я часто, желая послушать тебя, приходил к тебе, и ты никогда мне не отвечал. И вот сейчас, если можно, прошу тебя сказать мне что-нибудь. — (2) Считаешь ли ты, — сказал он, — что так же, как существует искусство чего-то другого, существует и искусство говорить, и что владеющий им будет говорить умело, а не владеющий — неумело? — Считаю. — (3) Значит, кто благодаря тому, что говорит, и сам получает пользу, и другим в состоянии приносить пользу, тот, очевидно, говорит умело, а кто скорее терпит вред и причиняет вред, тот, очевидно, неумелый в этом искусстве, искусстве говорить? Ты, очевидно, найдешь, что одни терпят вред, а другие получают пользу. (4) А слушающие все ли получают пользу от того, что они слышат, или ты, очевидно, найдешь, что и среди них одни получают пользу, а другие терпят вред? — И среди них, — сказал тот. — Значит, и здесь все те, которые слушают умело, получают пользу, а все те, которые слушают неумело, терпят вред? — Тот согласился. — (5) Следовательно, существует определенное умение как говорить, так и слушать? — По-видимому. — (6) А если угодно, рассмотри это и вот так. Играть по правилам музыки кто, по-твоему, может? — Музыкант. — (7) Ну, а создать статую как должно кто, по-твоему представлению, может? — Скульптор. — Чтобы смотреть на нее умело, для этого никакого, по-твоему представлению, не требуется искусства? — Требуется и для это-

¹³⁶ Из поэмы Клеанта (см. прим. 25 к I книге). В извлечениях из бесед Эпиктета, так называемом «Руководстве» (глава 53) приводятся еще три стиха. Сохранился его гимн Зевсу.

¹³⁷ См. прим. 25 к I книге.

го. — (8) Значит, если и говорить как должно — может умелый, ты видишь, что и слушать с пользой — может умелый? (9) Что касается совершенства и пользы, то, если угодно, сейчас оставим это, поскольку обним нам и далеко до всего такого. (10) А в том всякий, по-моему, согласился бы со мной, что намеревающемуся слушать философов требуется для этого некоторая, по крайней мере, определенная опытность в слушании. Не так ли? (11) О чем же мне говорить тебе? Укажи мне. О чем ты можешь слушать? О благе и зле? Чьем? Не лошади ли? — Нет. — Или быка? — Нет. — Что же, человека? — Да. — (12) Так знаем ли мы, что такое человек, какова природа его, каково это понятие? И отверсты ли у нас уши для этого сколько-нибудь? А есть ли у тебя понятие о том, что такое природа, или можешь ли ты хоть сколько-нибудь понять меня, если я буду говорить? (13) А смогу ли я прибегнуть к доказательству с тобой? Как? Разве ты понимаешь само то, что такое доказательство или как что-то доказывается, или посредством чего? Или что похоже на доказательство, но на самом деле не доказательство? (14) Разве знаешь ты, что истинно или что ложно? Что из чего следует, что чему противоречит или не соответствует, или не согласуется? (15) А могу ли я подвинуть тебя к философии? Как покажу я тебе то противоречие большинства людей, вследствие которого они расходятся в мнениях о благе и зле, полезном и неполезном, если ты не знаешь самого того, что такое противоречие? Так укажи мне, чего я добьюсь, разговаривая с тобой? Вызови у меня влечение к этому. (16) Как соответственная трава, оказавшаяся перед овцой, вызывает у овцы влечение съесть ее, а если положишь перед ней камень или хлеб, то она не пошевелится, так и у нас есть какие-то природные влечения к тому, чтобы говорить, когда намеревающийся слушать представляет собой что-то, когда он сам вызывает интерес. А если он находится рядом, словно камень или сено, то как может он вызывать у человека какое-то стремление? (17) Разве виноградная лоза говорит виноградарю: «Заботься обо мне»? Нет, она, сама собой показывая, что позаботившемуся будет выгода от нее, манит к заботе. (18) Детишки очаровательные и резвые кого не манят поиграть и поползать с ними, полепетать с ними? А с ослом кому охота играть или реветь? Ведь даже если он маленький, все же он осленок. — (19) Что же мне ничего ты не говоришь? — Только то могу я тебе сказать, что, кто не знает, кто он такой, для чего родился, в каком это он мироздании, в каком это он обществе, в чем заключается благо и зло, прекрасное и постыдное, и не понимает ни рассуждения, ни доказательства, ни что истинно или что ложно, ни различить того и другого не может, тот не будет ни стремиться в соответствии с природой, ни избегать, ни влечься, ни намереваться, ни соглашаться, ни отрицать, ни воздерживаться от суждения, целиком глухой и слепой будет расхаживать, думая, что он что-то собой представляет, а в действительности ничего собой не представляя. (20) Да разве сейчас впервые это так? Разве не с тех пор как существует род человеческий все ошибки и несчастья происходят от этого незнания? (21) Отчего ссорились друг с другом Агамемнон и Ахилл? Не оттого ли, что не знали, что полезное и неполезное? Не говорит ли один из них, что вернуть Хрисеиду ее отцу — полезно, а другой говорит, что — неполезно? Не говорит ли один из них, что он должен забрать почетный дар другого, а другой говорит, что не должен? Не от этого ли они забыли, и кто они такие и для чего явились? (22) Позволь, человек, ты для чего явился? Приобретать возлюбленных или воевать? «Воевать». С кем? С троянцами или эллинами? «С троянцами». Значит, оставив Гектора, ты обнажаешь меч против своего царя? (23) А ты, милейший, оставив задачи царя,

Коему вверены рати, на ком такие заботы ¹³⁸,

¹³⁸ «Илиада», II, 25.

из-за девчонки вступаешь в драку с самым воинственным союзником, которого следует всячески чтить и оберегать? И ты оказываешься ниже искусного верховного жреца ¹³⁹, который всячески заботится о прекрасных единоборцах? Видишь, что творит незнание о полезном? (24) «Но и я богат». Так разве богаче Агамемнона? «Но я и красив». Так разве красивее Ахилла? «Но у меня и кудри прекрасные». А у Ахилла разве не красивее, к тому же золотистые? И разве он не расчесывал их искусно, не холил их? (25) «Но я и силен». Так разве можешь ты поднять такой камень, какой могли поднять Гектор или Аякс? «Но я и благородный». Разве мать твоя богиня, разве отец твой внук Зевса? Ну а Ахиллу какая польза от всего этого, раз он сидит и плачет из-за девчонки? «Но я оратор». (26) А он разве не был? Разве ты не видишь, как он отвечал красноречивейшим среди эллинов Одиссею и Фениксу, как от его ответа у них онемели уста ¹⁴⁰?

(27) Только вот это я могу тебе сказать, да и то неохотно. — Почему? — (28) Потому что ты не вызвал во мне интереса. В самом деле, на что глядя, могу я заинтересоваться, как знатоки коней — породистыми конями? На твое брненное тело? Ты его позорно холишь. На одежду? И она у тебя роскошная. На облик, на взгляд? Не на что. (29) Когда ты хочешь послушать философа, не говори ему: «Ты ничего мне не скажешь?», но только показывай свое умение слушать, и тогда увидишь, как побудишь его говорить.

XXV. О ТОМ, КАК ЛОГИКА НЕОБХОДИМА

(1) А как-то один из присутствовавших сказал ему: Убеди меня в том, что логика полезна. — Хочешь, — сказал он, — я докажу тебе это? — Да. — (2) Следовательно, я должен обратиться к логическому рассуждению, требующему доказательства? — Тот согласился. — Откуда же ты узнаешь, не морочу ли я тебя софистическими уловками? — (3) Этот человек промолчал. — Видишь, — сказал он, — как ты сам соглашаешься с тем, что она необходима, если без нее ты не можешь узнать самого того, необходима ли она или не необходима.

XXVI. В ЧЕМ ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОШИБКИ

(1) Всякая ошибка содержит противоречие. Ведь поскольку ошибающийся не хочет ошибаться, а хочет поступить правильно, то ясно, что вот это-то, что он хочет, он не делает. (2) В самом деле, что хочет совершить вор? То, что ему полезно. Неверно, следовательно, это: если воровство ему бесполезно, вот это-то, что он хочет, он делает. (3) А всякая наделенная разумом душа по природе своей относится неприязненно к противоречию. И до тех пор, пока человек не понимает того, что он находится в противоречии, ничто не мешает ему делать противоречащее. А когда он поймет, необходимость со всей силой вынуждает его отказаться от противоречия и избегать, так же как и суровая необходимость вынуждает человека отказаться от ложного, когда он осознает, что это ложно, а до тех пор пока он это не представляет себе, он принимает это как истинное. (4) Следовательно, искусен в логическом рассуждении, а он же и в убеждении и опровержении, тот, кто может каждому человеку показать то противоречие, вследствие которого этот человек ошибается, и ясно представить ему, как вот то,

¹³⁹ Непонятно, кто имеется в виду (может быть, Калхант, прорицатель и жрец ахейн?), к тому же слово *μονομάχος*, переведенное здесь «единоборцы», у Эпиктета обычно употребляется в значении «гладиаторы».

¹⁴⁰ См. «Илиада», IX.

что он хочет, он не делает, и вот то, что не хочет, он делает. (5) Ведь если показать ему это, он сам по себе от этого отступит. А до тех пор пока не покажешь, не удивляйся, если он остается при этом. Он ведь делает это по своему представлению о правильности. (6) Поэтому и Сократ, полагаясь на это свое умение, говорил: «Я другого никого не привык приводить в свидетели того, что я говорю, а мне достаточно всегда собеседника, и его мнение спрашиваю я, его призываю в свидетели, его одного достаточно мне вместо всех» ¹⁴¹. (7) Он ведь знал, чем побуждается наделенная разумом душа: она уступит весам, хочешь не хочешь. Покажи разумной высшей духовной части ¹⁴² противоречие — и она от него откажется. А если ты не покажешь, то вини скорее самого себя, чем не убеждающегося.

¹⁴¹ См. прим. 48.

¹⁴² См. прим. 48 к I книге.

КНИГА ТРЕТЬЯ

І. О ПРИДАНИИ КРАСОТЫ ВНЕШНЕМУ ВИДУ

(1) Как-то пришел к нему один юноша, обучавшийся ораторскому искусству, с чрезмерно изысканно уложенными кудрями и вообще весь разнаряженный. — Скажи мне, — обратился он к тому, — не считаешь ли ты, что и среди собак некоторые — прекрасные, и среди лошадей, и так — среди каждого вида остальных живых существ? — Считаю, — сказал тот. — (2) Значит, и среди людей одни — прекрасные, а другие — безобразные? — Как же иначе? — Ну, а по одному и тому же ли основанию называем мы прекрасными в своем роде особей всех видов, или среди каждого вида — по особому? Тебе это будет видно вот так. (3) Поскольку мы видим, что собака по природе создана для одной цели, лошадь — для другой, соловей — для какой-то иной, то не было бы нелепым заявить вообще, что каждая особь именно тогда прекрасна, когда она обладает самым лучшим соответственно своей природе, а поскольку природа каждого вида различна, то по-разному, мне кажется, прекрасны особи каждого из них. Не так ли? — Тот согласился. — (4) Так именно то, что делает собаку прекрасной, не делает ли это лошадь безобразной, а именно то, что делает лошадь прекрасной, не делает ли это собаку безобразной, поскольку их природа различна? — По-видимому. — (5) Да ведь и именно то, что панкратиаста, думаю я, делает прекрасным, это делает борца не хорошим, а бегуна — даже очень смешным; и кто прекрасен для пятиборья, тот же самый не безобразней ли всего для борьбы? — Это так, — сказал тот. — (6) Что же делает прекрасным человека? Не то ли именно, что делает прекрасными в своем роде и собаку и лошадь? — Это, — сказал тот. — Что же делает собаку прекрасной? Наличие в ней совершенных качеств собаки. А лошадь? Наличие в ней совершенных качеств лошади. Ну, а человека? Разве же не наличие в нем совершенных качеств человека? (7) Так вот и ты, если хочешь быть прекрасным, юноша, вырабатывай в себе это, человеческие совершенные качества. — (8) А в чем они заключаются? — Смотри, кого сам ты хвалишь, когда хвалишь кого-то без пристрастия? Справедливых ли, или несправедливых? — Справедливых. — Скромных ли, или распущенных? — Скромных. — А воздержных, или невоздержных? — Воздержных. — (9) Значит, делая себя вот таким, знай, что ты будешь делать себя прекрасным. А до тех пор, пока будешь пренебрегать этими качествами, ты неизбежно должен быть безобразным, несмотря на все свои ухищрения казаться прекрасным. (10) Дальше я уже не знаю, как мне тебе сказать. Ведь если я стану говорить то, что думаю, я огорчу тебя, и ты уйдешь и, может быть, больше не придешь сюда. Если я не стану говорить, смотри, что я натворю: ты приходишь ко мне, чтобы получить пользу, а я не принесу тебе никакой пользы, ты приходишь ко мне как

к философу, а я ничего не скажу тебе как философ. (11) А как это и жестоко по отношению к тебе — пренебрежительно оставить тебя неисправленным?! Если когда-нибудь позднее ты образумишься, то с полным основанием будешь винить меня: (12) «Что заметил во мне Эпиктет, чтобы, видя меня таким, приходящим к нему в таком безобразном состоянии, оставить это без внимания и никогда не сказать ни слова? Он счел меня настолько безнадёжным? (13) Не молод ли я был? Не был ли я способен внимать разуму? А сколько других молодых совершают по молодости множество таких серьезных ошибок? (14) Я слышал о некоем Полеоне, который был совершенно распушенным юношей и потом так переменялся¹. Допустим, он не думал, что я окажусь Полеоном. Прическу-то мою он мог побудить меня исправить, украшения-то мои мог побудить меня убрать, побудить меня перестать удалять волосы на коже мог. Однако видя меня в таком — каком мне назвать?! — облике, он молчал». (15) Я не называю, какой это облик. Но ты сам его назовешь тогда, когда придешь в себя — тогда ты узнаешь, что это за облик и какие люди о нем заботятся. (16) Если ты позднее будешь винить меня в этом — что смогу я привести в свое оправдание? Да, но я скажу — да он не послушается. В самом деле, послушался ли Лай Аполлона? Разве он, уйдя и напившись пьяным, не распростился с его оракулом? Так что же? Разве, тем не менее, Аполлон не сказал ему всю правду? (17) А между тем я не знаю, послушаешься ли ты меня или нет. Но он совершенно точно знал, что тот не послушается, и все же сказал. — (18) А почему он сказал? — А почему он Аполлон? А почему он дает оракулы? А почему он назначил себя на это место, так чтобы быть прорицателем и источником истины, и чтобы к нему приходили со всего света? А почему надписано² «Познай самого себя», хотя никто этого не постигает? (19) Всех ли собеседников удавалось Сократу убедить заботиться о самих себе? Даже тысячной части не удавалось. И все же, поскольку он был, как он сам говорит, назначен своим божеством³ в это место в строю, он уже не оставлял его. И даже судьям что он говорит? (20) «Если вы меня отпустите, — говорит он, — с тем условием, чтобы я больше не занимался тем, чем занимаюсь сейчас, я не примирюсь и не уймуся. Нет, обращаясь и к молодому и к старому, одним словом, ко всякому встречному, я буду спрашивать их о том, о чем и сейчас спрашиваю, а в особенности вас, — говорит он, — моих сограждан, потому что вы мне ближе родом»⁴. — (21) «Ты так назойлив, Сократ, и любопытен? А какое тебе дело до того, что мы делаем?» — «Да что ты такое говоришь? Ты, живущий со мной в одном обществе и мой сородич, пренебрегаешь собой и предоставляешь полису плохого гражданина, сородичам — плохого сородича, соседям — плохого соседа». — (22) «Ну а ты кто такой?» Тут громко сказать: «Я тот, кому должно быть дело до людей». Ведь и против льва не любой бычок осмеливается выступить, а если явится и выступит бык, говори ему, если тебе угодно: «А ты кто такой?» и «Какое тебе дело?» (23) Человек, среди всякого рода рождается нечто исключительное: среди быков, среди собак, среди пчел, среди лошадей. Так вот, не говорит исключительному: «Ну а ты что такое?» Иначе оно, обрета откуда-то голос, скажет: «Я — то же, что

¹ Полеон вел в молодости разгульную жизнь. Однажды он явился с пира пьяным к Ксенократу, главе Академии (IV в. до н. э.), который наставил его на путь истины; впоследствии он стал знаменитым философом, после смерти Ксенократа возглавил Академию. Учеником Ксенократа и Полеона был Зенон, основатель стоической школы (см. Диог. Л., IV, 16; Гораций, Сатиры, II, 3, 253—257).

² В преддверье храма Аполлона в Дельфах.

³ Точнее — «даймонию», личным духом-покровителем (см. I, 14, 12—14), о котором Сократ говорил как о «внутреннем голосе».

⁴ См. Платон, Апология Сократа, 28d—30c.

пурпурная полоса на тоге ⁵. Не требуй от меня, чтобы я был подобен остальным, и не упрекай мою природу за то, что она создала меня отличающимся от остальных». (24) Что же? Я — такой ли? Откуда?! Ну, а ты — такой ли, кто способен выслушивать всю правду? Если бы так! Но все же, поскольку мне как-то определено носить седую бороду и потертый плащ ⁶, и ты приходишь ко мне как к философу, я не отнесусь к тебе жестоко и как к безнадежному, а скажу: Юноша, кого хочешь ты делать прекрасным? Познай сначала, кто ты есть, и вот так украшай себя. (25) Ты — человек, то есть смертное живое существо, способное пользоваться представлениями разумно. А что значит «разумно»? Согласно с природой и совершенным образом. Что же в тебе исключительное? Живая сущность? Нет. Смертная сущность? Нет. Сущность способности пользоваться представлениями? Нет. (26) Исключительное в тебе — это разумная сущность. Вот ее украшай и придавай ей красоту. А кудри предоставь уложившему их, как ему самому было угодно ⁷. (27) Ну, а какие еще у тебя есть названия? Мужчина ты или женщина? — Мужчина. — Так мужчине придавай красоту, не женщине. Она природой создана с безволосой кожей и нежной. И если она очень волосатая, то это диковина, и ее показывают в Риме среди диковин. (28) То же самое для мужчины — быть безволосым. И если он безволосый от природы, то это диковина, но если он сам удаляет и выщипывает их у себя — что с ним делать? Где показывать его и какую сделать надпись? «Я покажу вам мужчину, который предпочитает быть женщиной, чем мужчиной». (29) Какое ужасное зрелище! Все до одного поражались бы этой надписи, и, клянусь Зевсом, думаю, что даже сами выщипывающие у себя волосы, не понимая, что это и есть именно то, что они делают. (30) Человек, в чем ты можешь винить свою природу? В том, что она создала тебя мужчиной? ⁸ Что же, природа должна была бы всех создать женщинами? Что толку было бы тогда тебе в том, чтобы украшать себя? Для кого бы ты украшал себя, если бы все были женщинами? (31) Но не правится тебе эта штукавина? Устрани ее целиком и полностью, уничтожь — как ее там? — причину волосатости. Преврати себя совсем в женщину, чтобы мы не заблуждались, не будь наполовину мужчиной, а наполовину женщиной. (32) Кому хочешь ты понравиться? Бабенкам? Правься им как мужчина. «Да, но им приятны безволосые». Не повеситься ли тебе? А если бы им нравились извращенные, ты стал бы извращенным? (33) В том ли твоя задача, для того ли ты рожден, чтобы быть приятным распущенным женщинам? (34) Вот такого ли тебя сделаем мы гражданином Коринфа, а может стать, и смотрителем города или надзирателем эфебов, или военачальником, или законодателем? (35) Ну, а и женившись, намерен ты выщипывать у себя волосы? Для кого и для чего? И если у тебя будут дети, ты потом и их тоже с выщипанными волосами введешь к нам в гражданство? Прекрасный гражданин, член совета, оратор! Вот такими чтобы нас рождались и воспитывались молодые люди, должны мы молить? (36) Нет, ради богов, юноша! Но раз услышав эти слова, ты, уйдя, скажи самому себе: «Все это не Эпиктет мне сказал, — да и откуда ему? — а, видно, некий благосклонный бог через него. Да Эпиктету и не пришло бы в голову сказать все это, потому что он обычно не говорит никому. (37) Давай-ка послушаемся бога, чтобы не навлечь на себя его гнев». Но нет, если ворон своим криком дает тебе какое-то знамение, то это не ворон дает

⁵ См. I, 2, 17 слл. и прим. 15.

⁶ См. I, 2, 29 (и прим. 20) и II, 23, 21.

⁷ Т. е. богу, или природе.

⁸ Вероятно, приводятся слова Диогена, сказанные по такому же поводу: «...Разве ты можешь винить природу в том, что она создала тебя мужчиной, а не женщиной?» (см. А ф и н е й, XIII, 565с).

знамение, а бог — через него. А если бог дает какое-то знамение через человеческий голос, разве не человека заставит он говорить тебе все это, для того чтобы ты узнал силу божества, потому что одним он дает знамения так, другим иначе, а обо всем важнейшем и главнейшем он дает знамения через прекраснейшего вестника? (38) Не это ли именно говорит поэт:

мы ведь ему предвестили,
Гермия с вестью послав остроокого, аргобуйцу:
Нй его убивать, нй брать женою супругу ⁹

(39) Гермес спустился на землю, чтобы сказать ему это. Вот и сейчас боги говорят тебе это, «Гермия с вестью послав, гонца их, аргобуйцу»: не извращать то, что правильно, и не усердствовать попусту, а оставить мужчину мужчиной, женщину женщиной, прекрасного человека как прекрасного человека, безобразного человека как человека безобразного. (40) Так как ты — не плоть и не волосы, а свобода воли, то если она у тебя будет прекрасной, тогда ты будешь прекрасным. (41) А пока я не решаюсь говорить, что ты безобразен, потому что ты, кажется мне, готов выслушать все что угодно, но только не это. (42) Но смотри, что говорит Сократ самому прекрасному из всех и находящемуся в самой цветущей поре Алкивиаду: «Так попытайся быть прекрасным» ¹⁰. Что он ему этим говорит? «Укладывай свои кудри и выщипывай волосы на ногах»? Ни в коем случае. Но: «Украшай свою свободу воли, удаляй дурные мнения». (43) Ну, а брешное тело как? Как оно создано природой. Это — дело другого, предоставь это ему. «Что же, оно должно содержаться в нечистоплотности?» (44) Ни в коем случае. Но кто ты есть и кем создан природой, вот его содержи в чистоплотности: мужчину — как полагается содержать в чистоплотности мужчину, женщину — как полагается женщине, ребенка — как полагается ребенку. (45) Но нет, вырвем-ка и у льва гриву, чтобы он не был в нечистоплотности, и у петуха гребень — он ведь тоже должен быть в чистоплотности. Да, но — как полагается петуху, лев — как полагается льву, охотничья собака — как полагается охотничьей собаке.

II. В ЧЕМ СЛЕДУЕТ РАЗВИВАТЬСЯ ТОМУ, КТО НАМЕРЕН СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ, И О ТОМ, ЧТО МЫ ПРЕНЕБРЕГАЕМ ГЛАВНЕЙШИМ

(1) Есть три вопроса, в которых следует быть развитым тому, кто намерен стать добродетельным человеком: вопрос, касающийся стремлений и избеганий — для того чтобы он ни в своих стремлениях не терпел неуспех, ни в своих избеганиях не терпел неудачу; (2) вопрос, касающийся влечений и отталкиваний, одним словом, касающийся должного — для того чтобы он поступал надлежащим образом, обдуманно, не небрежно; третий — это вопрос, касающийся незаблуждаемости и неопрометчивости, в общем, касающийся согласий ¹¹. (3) Из них — главнейший и настоятельный — это вопрос, касающийся страданий. Страдание ведь возникает только в том случае, если стремление терпит неуспех или избегание терпит неудачу. Именно это приносит смятения, тревоги, несчастья, злополучия, сокрушения, стенания, страхи ¹², делает завистливыми, ревни-

⁹ «Одиссея», I, 37—39 (повеление богов Эгисту не убивать Агамемнона и не жениться на Клитемнестре).

¹⁰ См. П л а т о н, Алкивиад I, 131d.

¹¹ См. также II, 17, 15 слл.

¹² Конъектура. В рукописях: «зависть».

выми, вследствие чего мы даже не в состоянии внимать разуму. (4) Второй — это вопрос, касающийся должного. Ведь я не должен быть бесстрастным, как статуя, а должен соблюдать отношения, природные и приобретенные, — как благочестивый человек, как сын, как брат, как отец, как гражданин. (5) Третий — это вопрос, надлежащий уже совершенствующимся, вопрос, касающийся твердости в самом всем этом, так чтобы даже во время сна не ускользнуло от внимания неисследованным какое-нибудь явившееся представление, даже во время опьянения, даже во время умопомрачения. — Это, — говорит, — выше нас. — (6) А нынешние философы, оставив в стороне первый вопрос и второй, занимаются третьим: изменяющимися рассуждениями, рассуждениями, приводящими к умозаключению путем вопросов, условными рассуждениями, ложными рассуждениями¹³. — (7) Ведь следует, — говорит, — и в этих материях оберегать незаблуждаемость. — (8) Кому? Добродетельному человеку. Так тебе вот этого недостает? Все остальные ты уже преодолел? Что касается монетки, незаблуждаем ли ты? А если увидишь красивую девчонку, в состоянии ли ты устоять против этого представления? Если сосед твой получит наследство, не гложет ли тебя зависть? Сейчас тебе недостает только непоколебимости? (9) Несчастный, самому всему этому ты учишься в трепете, беспокоясь о том, как бы кто-нибудь тебя не стал презирать, и выведывая, не говорит ли кто-нибудь чего-нибудь о тебе. (10) И если кто-нибудь придет и скажет тебе: «Когда речь шла о том, кто самый лучший философ, один из присутствовавших говорил, что единственный философ это такой-то», — вот уже душонка твоя, величиной с палец, выросла до двух локтей. А если другой из присутствовавших скажет: «Вздор говоришь, не сто́ит быть слушателем такого-то. Что он, в самом деле, знает? У него только первоначальные основы, и больше ничего», — вот уже ты потерял самообладание, побледнел сразу, раскричался: «Я ему покажу, кто я! Я покажу, что я великий философ!» (11) Оно видно из самого этого. К чему ты хочешь показать иным еще образом? Разве ты не знаешь, что Диоген вот таким образом показал одного софиста, вытянув средний палец¹⁴, затем, когда тот пришел в ярость: «Вот, — сказал он, — такой-то, я показал вам его»¹⁵? (12) Человека ведь пальцем не показать, как камень или как полено, но когда покажут его мнения, тогда и покажут его как человека. (13) Посмотрим и твои мнения. Разве не ясно, что ты свою свободу воли ни во что не ставишь, а смотришь на то, что вне тебя, на то, что не зависит от свободы воли: что скажет такой-то, и кем ты покажешься — просвещенным ли, прочитавшим ли Хрисиппа¹⁶, или Антипатра¹⁷? Ну, а если — и Архедема¹⁸, то ты полностью достиг всего. (14) Что ты еще беспокоишься о том, что тебе не удастся показать нам, кто ты? Хочешь, скажу тебе, кого ты нам показал? Человека, предстающего¹⁹ низким, жалующимся на свою судьбу, вспыльчивым, малодушным, жалующимся на все, винящим всех, никогда не имеющим покоя, тщеславным. Вот что ты нам показал. (15) Теперь иди и читай Архедема. Потом, если свалится и запищит мышь — вот ты и умер. Тебя ведь ждет такая же смерть, как

¹³ «ложными рассуждениями» — *ψευδολόγους* (множественное число). Может быть, правильнее: «Лжецами», т. е. парадоксами типа «Лжец» (см. прим. 83 к II книге)?

¹⁴ Что считалось оскорбительным.

¹⁵ См. Диог. Л., VI, 34—35 (где говорится, что Диоген так показал оратора Демосфена).

¹⁶ См. прим. 25 к I книге.

¹⁷ См. прим. 86 к II книге.

¹⁸ См. прим. 24 к II книге.

¹⁹ *ἀνθρώπου παρίοντα*. Предлагается конъектура: *ἀνθρώπου πάριον* — человечешку (в таком случае: низкого и т. д.).

и того — как его там? — Криния ²⁰. И тот тоже кичился тем, что понимает Архедема. (16) Несчастный, не хочешь ли ты оставить все это, не имеющее никакого отношения к тебе? Все это пристало тем, кто может учиться этому при невозмутимости, кто вправе сказать: «Я не раздражаюсь, не огорчаюсь, не завидую, не подвластен помехам, не подвластен принуждению. Чего мне недостает? У меня есть досуг, у меня есть покой. (17) Посмотрим-ка, как следует обращаться с изменениями рассуждений. Посмотрим-ка, как, приняв какое-то условие, не быть приведенным ни к какой нелепости». (18) Все это их дело. Лишь находящимся в благополучии пристало разводить огонь, завтракать, а может статься, и петь и плясать. А в то время как корабль тонет, ты, мне, тут поднимаешь паруса!

III. ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ОБЪЕКТОМ ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И В ЧЕМ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ СЛЕДУЕТ РАЗВИВАТЬСЯ

(1) Объект добродетельного человека — его собственная высшая духовная часть ²¹, а тело — объект врача и учителя гимнастики, земля — объект земледельца. А дело добродетельного человека — пользоваться представлениями соответственно природе. (2) А от природы всякой душе свойственно как признавать истинное, отвергать ложное, воздерживаться от суждения при неясном, так и по отношению к благу быть подвижной стремлением, по отношению к злу — избеганием, а по отношению к тому, что и не зло и не благо, — ни тем, ни другим. (3) В самом деле, подобно тому как монету цезаря не вправе признать негодной меняла или торговец овощами, но, если ты покажешь ее, он волей-неволей должен отпустить то, что на нее продается, — в таком же положении находится и душа. (4) Благо, представ явным, тотчас вызывает движение к себе, зло — от себя. А душа никогда не признает негодным очевидное представление о благе, точно так же как — монету цезаря. Вот от этого зависит всякое движение и человека, и бога. (5) Поэтому благо предпочитается всякому родству. Мне нет никакого дела до отца, а только — до блага. «Ты так жесток?» Я ведь так создан природой. Такую дал мне монету бог. (6) Поэтому, если благо отлично от добродетельного и справедливого, то исчезают и отец, и брат, и отечество, и все остальное. (7) А разве я пренебрегу своим благом, чтобы им обладал ты, и уступлю тебе? За что? «Я твой отец». Но не благо. «Я твой брат». Но не благо. (8) А если оно для нас будет заключено в правильной свободе воли, то соблюдение отношений становится благом. Следовательно, кто отказывается от притязаний на все то, что относится к внешнему миру, тот достигает блага. (9) «Отец лишает имущества». Но он не причиняет этим вреда. «Брат будет иметь большую часть земли». Да пусть будет иметь сколько ему угодно. Так разве совестливости, разве честности, разве братолюбия? (10) Этого-то владения кто может лишиться? Даже Зевс не может. Он ведь и не пожелал этого, но сделал его зависящим от меня и дал таким, как у него самого, — неподвластным помехам, неподвластным принуждению, неподвластным препятствиям. (11) Так вот, когда у другого иная монета в ходу, покажи ее, и получай то, что на нее продается (12). Прибыл в провинцию проконсулом вор. Какая у него монета в ходу? Серебро. Покажи его — и забирай то, что хочешь. Прибыл прелюбодей. Какая у него монета в ходу? Девочки. «Возьми, — говорят, — эту монету, и продай мне эту вещицу». Дай — и покупай. (13) Другой увлекается мальчиками. Дай ему эту монету — и возьми то, что хочешь. Другой — любитель охоты. Дай лошадку красивую или собачку. Со сте-

²⁰ Философ-стоик (II в. до н. э.).

²¹ См. прим. 48 к I книге.

нениями и советами он будет продавать на нее то, что ты хочешь. Другой ведь его принуждает, извне, установивший эту монету. (14) В этом вот как главным образом следует упражнять себя. Как только на рассвете выйдешь, кого бы ты ни увидел, кого бы ты ни услышал, исследуй, отвечай как на вопрос. Что ты увидел? Красавца или красавицу? Приложи мерку. То ли это, что не зависит от свободы воли, или то, что зависит от свободы воли? То, что не зависит от свободы воли. Отбрось вон. (15) Что ты увидел? Оплакивающего кончину своего ребенка? Приложи мерку. Смерть есть то, что не зависит от свободы воли. Отбрось прочь. Тебе повстречался консул? Приложи мерку. Консульство — что это такое? То ли это, что не зависит от свободы воли, или то, что зависит от свободы воли? То, что не зависит от свободы воли. Отбрось и это, это — не годное: отвергни, это не имеет никакого отношения к тебе. (16) И если бы мы делали это и развивались в этом каждый день с рассвета до ночи, тогда что-то получалось бы, клянусь богами. (17) А в действительности всякое представление, пока мы зеваем, тотчас хватает нас, и только, если только, в школе мы чуточку можем очнуться. Потом, выйдя из школы, мы, если увидим оплакивающего, говорим: «Пропал!», если консула: «Счастливец!», если изгнанника: «Страдалец!», если бедняка, «Несчастный, ему негде взять поесть!» (18) Так вот, следует искоренять эти негодные мнения, к этому направить все свои усилия. Ведь что такое плач и стенание? Мнение. Что такое несчастье? Мнение. Что такое междоусобица, разногласие, жалоба, обвинение, нечестивость, пустословие? (19) Все это мнения, и больше ничего, мнения об всем не зависящем от свободы воли как о благе и зле. Пусть человек перенесет их на все зависящее от свободы воли, и я ручаюсь ему, что он будет стоек, как бы у него все ни обстояло. (20) Как чаша с водой — нечто подобное духа, как луч, падающий на воду — нечто подобное представления. (21) И вот когда вода заколеблется, то кажется, будто и луч колеблется, однако он не колеблется. (22) И когда, стало быть, с человеком случится головокружение, то это не знания и добродетели приходят в беспорядок, но дух, в котором они находятся: а когда он успокоится — спокойны и они.

IV. ПРОТИВ БОЛЕЛЬЩИКА, КОТОРЫЙ НЕПОРЯДОЧНО ВЕЛ СЕБЯ В ТЕАТРЕ

(1) Как-то прокуратор Эпира слишком непорядочно болел за какого-то комического актера и за это подвергся всеобщей брани, и после этого рассказал ему о том, что подвергся брани, и возмущался бранившими. — И что плохого, — сказал он, — делали они? И они тоже болели, как и ты. — (2) А тот возразил: Разве так кто-нибудь болеет? — Видя, что ты, — сказал он, — их правитель, друг и прокуратор цезаря, болеешь так, разве не должны были и они тоже болеть так? (3) Ведь если нельзя болеть так, то и ты не болей так. А если можно — что ты негодуешь, если они подражали тебе? В самом деле, кому может подражать толпа как не вам, высокопоставленным? На кого она обращает свои взоры, придя в театры, как не на вас? (4) «Вон как прокуратор цезаря смотрит представление. Он кричит. Стало быть, и я тоже буду кричать. Он вскакивает. И я тоже буду вскакивать. Его рабы, рассевшись, кричат. У меня нет рабов, но я сам что есть мочи буду кричать за всех». (5) Так вот, ты должен знать, что, когда ты являешься в театр, ты являешься меркой и образцом для остальных, показывающим, как они должны смотреть представление. (6) Почему же они бранили тебя? Потому что каждый человек ненавидит то, что препятствует ему. Они хотели, чтобы был увенчан такой-то, ты — чтобы другой. Они препятствовали тебе, а ты — им. Ты оказался сильнее. Они

стали делать что было в их силах — стали бранить то, что препятствует им. (7) Что же ты хочешь? Чтобы сам ты делал то, что хочешь, а они даже не говорили того, что хотят? И что удивительного в том? Земледельцы разве не бранят Зевса, когда они испытывают препятствия от него? Моряки разве не бранят его? Разве цезаря перестают бранить? (8) Что же? Не знает ли Зевс об этом? Не сообщают ли цезарю все то, что говорят о нем? Что же он делает? Он знает, что если он будет карать всех бранящих его, ему не над кем будет властвовать. (9) Что же, разве ты должен был, являясь в театр, сказать так: «Дай-ка пусть будет увенчан Софрон»? Нет, вот так: «Дай-ка пусть я свою свободу воли в этой материи сохранию в состоянии соответствия с природой. (10) Мне никто не дороже меня самого. Значит, смешно мне причинять себе вред для того чтобы другой одержал победу в комедии. (11) Кто же, хочу я, чтобы одержал победу? Тот, кто одерживает победу. И вот так победу всегда будет одерживать тот, кого хочу». — Но я хочу, чтобы был увенчан Софрон. — У себя дома устраивай сколько хочешь состязаний, и провозглашай его победителем Немейских, Пифийских, Истмийских, Олимпийских игр, а в общественном месте не требуй себе преимущества и не присваивай себе общее. (12). А иначе сноси брань, так как когда ты делаешь то же, что и толпа, то ты ставишь себя вровень с ней.

V. ПРОТИВ ТЕХ, КТО БРОСАЕТ ШКОЛУ ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ

(1) — Болею я здесь, — говорит один, — и хочу вернуться домой. — (2) Разве дома ты был избавлен от болезней? Не наблюдаешь ты, добиваясь ли ты здесь чего-то, что способствует тому, чтобы твоя свобода воли была исправлена? Ведь если ты совсем не преуспеваешь, то и приехал ты напрасно. Отправляйся, заботься о своих домашних делах. (3) В самом деле, если не может твоя высшая духовная часть ²² быть в состоянии соответствия с природой, то, по крайней мере, твоя землишка сможет. По крайней мере, скопишь денежку, окружишь заботами отца в старости, будешь вертеться на агоре, будешь занимать должности. Порочный — ты порочно будешь делать все последующее. (4) А если ты осознаешь, что ты отбрасываешь некоторые негодные мнения и вместо них принимаешь другие, и изменил свою позицию, отвратившись от того, что не зависит от свободы воли, к тому, что зависит от свободы воли, и если ты когда и скажешь: «Горе мне!», не говоришь при этом, что виной тому отец, брат, но: «Виною тому я сам», — ты еще принимаешь в расчет болезнь? (5) Разве ты не знаешь, что и болезнь и смерть должны застигнуть нас за каким бы то ни было делом? Земледельца они застигают занятым земледелием, моряка — совершающим мореплавание. (6) За каким делом хочешь быть застигнутым ты? Ведь ты должен быть застигнутым за каким бы то ни было делом. Если ты можешь за каким-нибудь делом, лучше этого, быть застигнутым, делай то. (7) Что касается меня, да доведется мне быть застигнутым только занятым заботой о своей свободе воли, заботой о том, чтобы она была неподверженной страстям, неподвластной помехам, неподвластной принуждению, свободной. (8) Вот за какими занятиями я хочу оказаться застигнутым, для того чтобы я мог сказать богу: «Нарушал ли я твои указания? Пользовался ли я не для той цели теми возможностями, которые ты дал мне? Пользовался ли не так — чувствами, общими понятиями? Виною ли я тебя когда-нибудь? Жаловался ли на твое управление? (9) Я болел — когда ты хотел того. И другие болели, но я — не противясь. Я был беден по твоему желанию, но — с радостью. Я не занимал долж-

²² См. прим. 48 к I книге.

ностей — потому что ты не хотел того: и я никогда не желал должности. Видел ли ты меня из-за этого омраченным? Не обращался ли я к тебе всегда светлым лицом, готовый повиноваться любому твоему приказанию, любому твоему знамению? (10) Сейчас ты хочешь, чтобы я ушел с всеобщего праздника, — я ухожу, я всячески благодарен тебе за то, что ты счел меня достойным принять участие во всеобщем празднестве с тобой, увидеть творения твои, приобщиться к пониманию твоего управления». (11) Вот о чем помышляющим, вот о чем пишущим, вот о чем читающим достигнет пусть меня смерть. (12) «Но мать не поддержит мне голову, когда и болею». Отправляйся, стало быть, к матери. Действительно, ты стоишь того, чтобы болеть с поддерживаемой головой. (13). «Но дома я лежал в прекрасной постельке». Отправляйся в свою постельку. Ты и когда здоров, стоишь того, чтобы лежать в такой. Стало быть, не теряй то, что ты можешь там делать. (14) А Сократ что говорит? «Как один, — говорит он, — радуется тому, что благодаря его усердию становится лучше его земля, другой — тому, что конь, так я каждый день радуюсь, осознавая, что совершенствуюсь»²³. (15) «В чем? Не в стилистических ли штучках?» Человек, не кошунствуй! «Не в пресловутых ли теоретических правилах?» Что ты делаешь?! (16) «Да ведь я не вижу, чем еще заняты философы». По-твоему, это пустое дело — никогда не винить никого, ни бога, ни человека? Не жаловаться ни на кого? С тем же лицом всегда и выходить из дому и возвращаться²⁴? (17) Вот что знал Сократ, и все же он никогда не говорил, что знает что-то или учит чему-то. А если кому-то нужны были стилистические штучки или пресловутые теоретические правила, он отсылал того к Протагору, к Гиппию²⁵. Ведь и если бы кто-нибудь пришел за овощами, он отослал бы его к огороднику. (18) У кого же из вас есть это намерение? Право же, если бы оно у вас было, вы и болели бы с удовольствием и голодали, и умирали. (19) Если кто-нибудь из вас был влюблен в красивую девушку, тот знает, что я говорю правду.

VI. ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(1) Как-то один спросил, как это, несмотря на то, что сейчас усерднее заняты разумом, прежде достигали больших успехов в совершенствовании. — (2) В каком отношении, — сказал он, — усердно заняты сейчас, и в каком отношении достигали больших успехов в совершенствовании тогда? Ведь в каком отношении сейчас усердно заняты, в том отношении и успехи в совершенствовании сейчас окажутся. (3) И поскольку сейчас усердно заняты тем, чтобы сводить силлогизмы к схемам, то и успехов в совершенствовании достигают в этом. А поскольку тогда усердно были заняты тем, чтобы сохранить высшую духовную часть²⁶ в состоянии соответствия с природой, то и успехов в совершенствовании достигали в этом. (4) Так не путай одно с другим, и когда ты усердно занимаешься одним, не ищи совершенствования в другом. Но посмотри, тому ли кто-нибудь из нас посвящая себя, чтобы пребывать в соответствии с природой, — не совершенствуется. Ведь ни одного такого на найдешь.

(5) Мудрый человек неодолим. В самом деле, он и не борется там, где он не сильнее. (6) «Если ты хочешь мою землю и все то, что на ней, — возьми. Возьми моих рабов, возьми мою должность, возьми мое бременное тело. Но мое стремление ты не сделаешь терпящим неуспех, как и мое избега-

²³ См. К с е н о ф о н т, Воспоминания о Сократе, I, 6, 8—14.

²⁴ См. Э л и а н, Пестрые рассказы, 9, 7.

²⁵ См., например, П л а т о н, Теетет, 150b—151b.

²⁶ См. прим. 48 к I книге.

ние. — терпящим неудачу». (7) Он вступает только в эту борьбу — борьбу за то, что зависит от свободы воли. Так как же ему не быть неодолимым?

(8) А как-то один спросил, что такое обыкновенный ум²⁷. — Подобно тому как, — говорит он, — можно было бы назвать обыкновенным слухом тот, который способен различать только звуки, а тот, который способен различать тоны, — уже не обыкновенным, но слухом владеющего этим искусством, так существуют определенные вещи, которые люди, не совершенно свихнувшиеся, видят в соответствии с обыкновенными возможностями. Такое состояние называется обыкновенным умом.

(9) Молодых людей изнеженных невозможно обратить к разуму с легкостью — как и сыр крючком схватить²⁸. А одаренные, даже если их отговаривать, еще больше тянутся к разуму. (10) Поэтому и Руф²⁹ чаще всего отговаривал, прибегая к этому как средству испытания одаренных и неодаренных. Он говорил: «Как камень, даже если бросишь его вверх, упадет вниз в силу такого своего устройства, так и одаренный — чем больше его отталкивают, тем больше он тяготеет к тому, для чего создан природой».

VII. С КОРРЕКТОРОМ³⁰ СВОБОДНЫХ ПОЛИСОВ, КОТОРЫЙ БЫЛ ЭПИКУРЕЙЦЕМ

(1) Как-то пришел к нему корректор (а был то эпикуреец). — Нам, обыкновенным людям, — сказал он тому, — пристало спрашивать у вас, философов, как прибывающим в чужой город — у граждан и сведущих: что самое лучшее в мироздании, — для того чтобы и мы, разузнав об этом, отправились осматривать, как те отправляются осматривать достопримечательности в городах. (2) Конечно, что есть три сущности в отношении человека — душа, тело и внешний мир, против этого едва ли кто-нибудь возражает. И вот, ваше дело ответить — что самое лучшее. (3) Что мы назовем людям? Плоть? И это из-за нее Максим совершил плавание до Кассиопы³¹, в бурю, с сыном, сопровождая его³²? Ради удовольствия плоти? — (4) Тот ответил отрицательно и сказал: Ни в коем случае! — Не должно ли усердие быть направленным на самое лучшее? — Более всего должно. — Что же у нас лучше плоти? — Душа, — сказал тот. — (5) А какие блага лучше — блага самого лучшего или блага того, что хуже? —

²⁷ κοινὸς νοῦς (буквально «общий ум», т. е. ум обыкновенного нормального человека, здравый смысл).

²⁸ Вероятно, пословица. См. Д и о г. Л., IV, 47 («Невозможно... нежный сыр крючком притянуть»).

²⁹ См. прим. 7 к I книге.

³⁰ Уполномоченный цезаря, из числа сенаторов, для проведения реформ в законах и административном управлении в свободных полисах сенатских провинций (Ахайя и Азия). Эпир, где находился Никополь (см. прим. 40 к I книге), имевший статус свободного полиса, относился к провинции Ахайте. Первый вообще известный такой корректор — Секст Квинктилий Валерий Максим, посланный Траяном в провинцию Ахайю (103—108 гг.). Его сын, с тем же именем, начал сенаторскую карьеру как квестор провинции Ахайи; в этой провинции он уже с юных лет сопровождал своего отца. В §§ 3 и 10 упоминаются Максим и его сын. Какой Максим имеется здесь в виду — не известно. (По мнению Моммзена, корректор-собеседник Эпиктета, корректор Валерий Максим и Максим §§ 3 и 10 — одно и то же лицо).

³¹ Мыс и гавань на севере о-ва Коркира (напротив Эпира). Был еще город в Эпире, недалеко от Никополя (обычно он называется Кассопа). В энциклопедии Паули-Виссова указывается и гавань с таким названием в Эпире.

³² «с сыном... его» — *μετὰ τοῦ υἱοῦ προπέμπων*. Так переводят, но это сочетание необычно и неясно. Может быть: «в сопровождении сына»? (см. прим. 30 — если, конечно, иметь в виду мнение Моммзена).

Блага самого лучшего. — А блага души — это то, что зависит от свободы воли, или то, что не зависит от свободы воли? — То, что зависит от свободы воли. — Значит, духовное удовольствие есть то, что зависит от свободы воли? — Тот сказал, что да. — (6) А само оно от чего возникает? От самого себя ли? Но это немыслимо. Ведь в основе его должна быть как главное условие какая-то сущность блага, достигая которую мы будем испытывать удовольствие в душе. — Тот согласился и с этим. — (7) Так от чего будем мы испытывать это духовное удовольствие? Ведь если от духовных³³ благ — вот и найдена сущность блага. Не может ведь быть, чтобы благом было что-то одно, а тем, от чего мы логически испытываем воздействие, было что-то другое, и чтобы, если главное условие не благо, следствие было благом. Ведь для того чтобы это следствие было логическим, главное условие его должно быть благом. (8) Но вы, несомненно, не скажете этого, если вы в здравом уме, потому что вам придется говорить несообразное и с Эпикуром и с прочими вашими мнениями. (9) Следовательно, остается сказать, что удовольствие в душе испытывается от телесного: следовательно, в свою очередь, главным условием его и сущностью блага оказывается телесное. (10) Поэтому Максим поступил глупо, если совершил плавание из-за чего-то иного, а не из-за плоти, то есть из-за самого лучшего. (11) Глупо поступает он и если воздерживается от чужого, тогда как он судья и может завладевать им. Но если тебе угодно завладеть, обдумаем только то — чтобы скрыто, чтобы безопасно, чтобы кто-нибудь не узнал. (12) Ведь украсть и сам Эпикур не объявляет злом, но зло — попасться. И так как невозможно получить уверенность в том, чтобы остаться незамеченным, потому он говорит: «Не крадите». (13) Но я тебе говорю, что, если это будет делаться искусно и тайком, мы останемся незамеченными. Да потом у нас есть в Риме друзья могущественные и дружеские связи³⁴, и эллины бессильны: никто из них не осмелится обратиться туда по этому делу. (14) Что ты воздерживаешься от своего собственного блага? Глупо это, бессмысленно. Но даже если ты будешь говорить мне, что воздерживаешься, я не поверю тебе. (15) Ведь как невозможно согласиться с явно ложным и отвергнуть истинное, так невозможно отказаться от явного блага. А богатство — это благо и, как бы то ни было, во всяком случае наиболее действенное средство для достижения удовольствий. (16) Почему бы тебе не присвоить его? А почему бы нам не совращать жену соседа, если мы можем делать это незаметно, а если муж начнет молоть вздор, почему бы к тому же не отрубить ему голову? (17) Если только ты хочешь быть философом, каким он должен быть, именно если совершенным, если следующим своим мнениям. А иначе ты ничем не будешь отличаться от нас, так называемых стойков. Ведь и мы тоже говорим одно, а делаем другое. (18) Мы говорим прекрасное, делаем постыдное. Ты окажешься с противоположным искажением, исповедуя постыдное, делая прекрасное. (19) Скажи, ради бога, представляешь ли ты себе полис эпикурейцев? «Я не женюсь». — «И я тоже. Ведь не следует жениться». Но не следует и рожать детей, но не следует и участвовать в государственных делах. Что же получится? Откуда возьмутся граждане? Кто их будет воспитывать? Кто будет надзирателем эфебов, кто будет надзирателем гимнасиев? Да и в чем он будет воспитывать их? В том, в чем лакедемоняне воспитывались или афиняне? (20) Возьми ты, мне, молодого человека, воспитай его в соответствии с твоими мнениями. Мнения эти негодны, разрушительны для полиса, пагубны для семьи, и для женщин неподходящи. (21) Оставь их,

³³ «духовных» — добавлено по конъектуре (из схолий).

³⁴ «дружеские связи» — *φιλίας* (по рукописям). В изданиях принята конъектура *φίλας* («подруги» или «подружки»).

человек. Ты живешь в державном полисе³⁵: ты должен занимать должности, судить справедливо, воздерживаться от чужого, тебе не должна представляться прекрасной никакая жена, кроме твоей, не должен представляться прекрасным никакой мальчик, не должна представляться прекрасной никакая серебряная утварь, никакая золотая утварь. (22) Вот с этим всем согласующиеся пожди мнения, исходя из которых ты с удовольствием будешь воздерживаться от вещей, обладающих такой соблазнительностью, которая способна увлечь и одолеть. (23) А если бы добавок к соблазнительности их мы и философию какую-нибудь такую изобрели, еще и со своей стороны толкающую нас к ним и придающую им силу, — что получилось бы? (24) Что самое лучшее в чеканном изделии, серебро или искусство? Плоть — сущность руки, а дела руки — как имеющие главное значение. (25) Таким образом, и обязанности — трех родов: одни — касающиеся существования, другие — касающиеся того или иного определенного существования, а другие — сами главные обязанности³⁶. Вот так и не материю человека следует ценить, бrenную плоть, а главные обязанности. (26) В чем они заключаются? Участвовать в государственных делах, жениться, рождать детей, почитать бога, заботиться о родителях, в общем, стремиться, избегать, влечься, отталкиваться, как следует делать все это, как мы созданы природой. (27) А созданы мы природой как? Как свободные, как благородные, как совестливые. В самом деле, какое другое живое существо краснеет, какое — получает представление о постыдном? (28) А удовольствие подчини этим обязанностям как слугу, как служителя, чтобы эти обязанности вызывали готовность, чтобы они сдерживали в границах дел, соответствующих природе. — (29) Но я богат, и мне нет нужды ни в чем. — Так что же ты еще притязашь на занятие философией? Тебе достаточно золотой и серебряной утвари. Какая тебе нужда в мнениях? — (30) Но я и судья эллинов. — Ты умеешь судить? Благодаря чему ты умеешь? — Цезарь подписал мне верительную грамоту. — (31) Пусть он подпишет тебе, чтобы ты судил о музыке. И какая тебе польза? А все же, как ты стал судьей? Чью руку целовал, Симфора или Нумения³⁷? Перед чьей спальней ночевал? Кому посылал подарки? И ты еще не понимаешь, что быть судьей стоит столько же, сколько Нумений? — (32) Но я могу бросить в тюрьму кого хочу. — Как камень. — Но я могу избить палкой кого хочу. — (33) Как осла. Это не правление людьми. Правь нами как разумными существами. Показывай нам полезное — и мы последуем ему. Показывай бесполезное — и мы отворачиваемся от него. (34) Сделай нас твоими ревностными последователями, как Сократ — своими. Именно он правил как людьми, сделал их подчинившими ему их стремление, избегание, влечение, отталкивание. (35) «Сделай это. Не делай этого. Иначе брошу тебя в тюрьму». Это уже не как разумными существами правление получается. (36) Но: «Сделай это, как установил Зевс. А если не сделаешь — потерпишь вред, потерпишь ущерб». Какой ущерб? Иного никакого, кроме этого: не сделать то, что следует. Ты потеряешь в себе человека честного, совестливого, порядочного. Иного большего ущерба, чем это, не ищи.

³⁵ ἐν ἡγεμονίᾳ πόλει. Вероятно, подразумевается Никополь как полис Римской империи. Но может быть: «в верховном полисе», т. е. в столице Римской империи (Риме). Менее вероятно, что здесь имеется в виду полис как мироздание.

³⁶ Это предложение вызывает сомнения, предлагают устранить его.

³⁷ Оба неизвестны. Вероятно, судя и по греческим именам, влиятельные вольноотпущенники при дворе.

VIII. КАК СЛЕДУЕТ УПРАЖНЯТЬСЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ

(1) Как мы упражняемся по отношению к софистическим вопросам, так нам каждый день следовало бы упражняться и по отношению к представлениям. Ведь и они тоже задают нам вопросы.

— (2) Сын такого-то умер. — Ответ: Это — то, что не зависит от свободы воли, это — не зло. — Отец оставил такого-то без наследства. Что это, по твоему мнению? — Это — то, что не зависит от свободы воли, это — не зло. — Цезарь его осудил. — Это — то, что не зависит от свободы воли, это — не зло. — (3) Он этим удручен. — Это — то, что зависит от свободы воли, это — зло. — Он выдержал это благородно. — Это — то, что зависит от свободы воли, это — благо.

(4) И если мы вот так будем приучаться, то будем совершенствоваться. Ведь мы никогда не будем соглашаться ни с чем иным кроме того, о чем представление получается постигающее³⁸.

— (5) Сын умер. — Что случилось? Сын умер. — И больше ничего? — Ничего. — Корабль погиб. — Что случилось? Корабль погиб. — Его увели в тюрьму. — Что случилось? Его увели в тюрьму. А что «плохи его дела» — это каждый от себя добавляет. — (6) Но Зевс делает все это неправильно. — Почему? Потому что он создал тебя способным к выдержке, потому что наделил величием духа, потому что лишил все то свойства быть злом, потому что в твоей возможности, претерпевая все то, быть счастливым, потому что он открыл тебе дверь, на тот случай если это тебя не устраивает? Человек, выйди и не вини.

(7) Как относятся римляне к философам, если хочешь узнать, послушай. Италик³⁹, наиболее слывший у них философом, как-то при мне, рассердившись на своих, будто испытывая непоправимое: «Я не могу выносить», — сказал он. — Вы губите меня, вы заставите меня стать таким», показав на меня.

IX. С ОДНИМ ОРАТОРОМ, НАПРАВЛЯВШИМСЯ В РИМ ПО СУДЕБНОМУ ДЕЛУ

(1) А как-то зашел к нему один человек, который направлялся в Рим по судебному делу, касавшемуся почести этого человека. Он осведомился у того о причине, по которой тот направляется. Затем тот спросил его, что он думает об этом деле. — (2) Если ты меня спрашиваешь, что ты делаешь в Риме, — говорит он, — достигнешь ли успеха или потерпишь неудачу, то теоретического правила для этого у меня нет. А если ты спрашиваешь, как ты сделаешь, то вот что могу я тебе сказать: если у тебя мнения правильные, то — правильно, а если негодные, то — неправильно. Ведь у каждого причиной того, что он делает что-то, является мнение. (3)

³⁸ *κῆληπτικὴ* — условный перевод термина стоической философии, от глагола *κῆληπτιζέω* (буквально «схватывать»). «Постигающими» («каталептическими») стоики называли представления, которые охватывают действительность реально существующего в соответствии с этим реально существующим. Такие представления по учению стоиков настолько очевидны, что считаются ими критерием истины (не такие представления называются «акаталептическими»). Но точное значение этого слова остается не очень ясным (может быть, оно относится не к объекту, а к субъекту).

³⁹ Неясно, имеется ли в виду Силий Италик — римский эпический поэт I в. н. э., государственный деятель, приверженец стоицизма, из-за мучительной болезни покончивший с собой голодом, или какой-то другой Италик, философ? Не очень ясен и смысл этого предложения.

В самом деле, что такое то, вследствие чего ты возжаждал, чтобы тебя выбрали патроном кноссцев? Твое мнение. Что такое то, вследствие чего ты сейчас направляешься в Рим? Твое мнение. Причем в бурю, с опасностью, с расходами? — Да ведь необходимо. — (4) Кто тебе говорит это? Твое мнение. Так вот, если причиной всего являются мнения, а у кого-то мнения негодные, то какова будет причина, таково будет и следствие. (5) Так у всех ли у нас мнения здравые — и у тебя и у твоего противника? Как же вы расходитесь в них? Или у тебя более здравые, чем у него? Почему? Тебе так кажется. И ему тоже, и сумасшедшим тоже. Это негодный критерий. (6) Но ты покажи мне, что ты занимался каким-то рассмотрением своих мнений и проявлял заботу о них. И, как сейчас ты совершаешь плавание в Рим для того, чтобы быть патроном кноссцев, и тебе недостаточно оставаться с теми почестями, которые у тебя есть, но ты жаждешь какой-то более значительной и блестящей, — когда ты вот так совершал плавание ради того, чтобы рассмотреть свои мнения, и если у тебя есть какое-то негодное, отбросить? (7) К кому ты обращался с этой целью? Какие годы своей жизни ты посвятил самому себе, какую пору своей жизни? Проследи годы своей жизни, сам с собой, если меня стыдишься. (8) Когда ты был подростком, подвергал ли ты испытанию свои мнения? Разве не так же, как сейчас ты все делаешь, делал ты то, что делал? А когда юношей уже слушал ораторов и сам осваивал это искусство — чего тебе по твоему воображению не доставало? (9) А когда стал молодым человеком и уже стал участвовать в государственных делах, сам стал вести судебные дела и стал пользоваться славой — кто еще тебе представлялся равным тебе? А в чем стерпел бы ты, чтобы кто-то подвергал тебя испытанию и показывал, что мнения у тебя негодные? (10) Так что же хочешь ты, чтобы я тебе сказал? — Помоги мне в этом деле. — У меня нет для этого теоретических правил. И ты, если ты пришел ко мне с этой целью, то пришел не как к философу, но как к продавцу овощей, но как к сапожнику. — (11) Так для чего же есть у философов теоретические правила? — Для того, чтобы, что бы ни случилось, высшая духовная часть ⁴⁰ наша пребывала в состоянии соответствия с природой. Это кажется тебе незначительным? — Нет, напротив, самым важным. — Так что же, разве это требует немного времени и можно овладеть этим мимоходом? Если ты можешь, овладавай. (12) Потом будешь говорить: «Я встретился с Эпиктетом как с камнем, как со статуей». Действительно, ты увидел меня, и больше ничего. А с человеком как человеком встречается тот, кто ознакомляется с его мнениями и, в свою очередь, показывает свои собственные. (13) Ознакомься с моими мнениями, покажи мне свои, и вот тогда говори, что ты встретился со мной. Подвергнем разбору друг друга: если у меня есть какое-то неправильное мнение, устрани его; если у тебя есть какое-то, выложи его. Вот что такое встречаться с философом. (14) Но нет: «Это по пути, и пока мы найдем корабль, мы можем и Эпиктета повидать. Посмотрим, что же он говорит». Потом, уйдя: «Этот Эпиктет ничего, оказывается, собой не представляет, речь его полна солецизмов и варваризмов». Да и чего иного судьями приходите вы? (15) «Но если я посвящу себя этому, — говорит один, — то у меня не будет земли, как нет ее и у тебя, у меня не будет серебряных кубков, как нет их и у тебя, не будет прекрасного скота, как нет его и у тебя». (16) На это достаточно, вероятно, сказать вот что: «Но я не нуждаюсь во всем этом. А ты, даже если приобретешь огромное имущество, ты нуждаешься в ином, ты, хочешь не хочешь, более нищ, чем я». — (17) В чем же я нуждаюсь? — В том, чего у тебя нет: в том, чтобы быть стойким, в том, чтобы иметь мысль в состоянии соответствия с природой, в том, чтобы быть невозмутимым.

⁴⁰ См. прим. 48 к I книге.

(18) Патрон ли, не патрон ли — какое мне до этого дело? Тебе до этого дело. Я богаче тебя. Я не беспокоюсь о том, что подумает обо мне цезарь. Я никому не льщу ради этого. Вот что у меня есть вместо серебряной утвари, вместо золотой утвари. У тебя вещи — золотые, разум, мнения, соглашения, влечения, стремления — глиняные. (19) А когда все это у меня в состоянии соответствия с природой, почему бы мне не заняться и искусным совершенствованием в разуме⁴¹? У меня ведь достаточно досуга, мысль моя не отвлечена ничем. Что мне делать, когда я не отвлечен ничем? Какое у меня есть дело более человеческого, чем это? (20) Вы, когда вам нечего делать, испытываете беспокойство, идете в театр или бесцельно тратите время⁴². Почему бы философу не заняться совершенствованием своего разума? (21) У тебя — хрустальные сосуды, у меня — занятия «Лжецом»⁴³, у тебя — мурриновые⁴⁴ сосуды, у меня — занятия «Отрицающим»⁴⁵. Тебе все, что у тебя есть, представляется незначительным⁴⁶, мне все мое — важным. Жажда твоя неутолима, моя — утолена. (22) Вот это бывает с детьми⁴⁷, когда они запускают руку в узгорлый кувшин и пытаются вытащить из него сушеные фиги с орехами: если они наполнят руку, то не могут вытащить, и тогда начинают плакать. Убавь их немного, и вытащишь. И ты, убавь свое стремление: не жажди многого, и получишь.

Х. КАК СЛЕДУЕТ ПЕРЕНОСИТЬ БОЛЕЗНИ

(1) Когда появляется надобность в каком бы то ни было мнении, следует руководствоваться им: при завтраке — мнениями, касающимися завтрака, в бане — мнениями, касающимися бани, в постели — мнениями, касающимися постели.

(2) Сну не дай низойти на свои усталые очи,

Каждое за день свершенное дело пока не рассмотришь:

(3) «В чем преступил я? Что сделал? Какой мною долг не исполнен?» С этого ты начав, разбирай по порядку. И следом

Кайся в дурных деяниях своих, или радуйся — добрым⁴⁸

(4) И эти стихи следует удерживать в памяти для их полезного применения, не для того, чтобы мы их декламировали как «Пеан Аполлон!»⁴⁹ (5) Так-

⁴¹ Т. е. в «теоретических правилах», в логике.

⁴² «или...» — в рукописях $\eta \alpha \nu \alpha \lambda \acute{\upsilon} \eta \tau \epsilon$ и $\eta \alpha \nu \alpha \lambda \acute{\upsilon} \epsilon \tau \epsilon$. Так переводят или изменяют чтение в таком значении. Однако $\alpha \nu \alpha \lambda \acute{\upsilon} \omega$ не имеет такого значения. Если понимать этот глагол в том значении, в каком он обычно употребляется у Эпиктета, т. е. «сводить силлогизмы к схемам» (см. прим. 108 к I книге), и понимать это предложение как вопросительное, то перевод будет: «или сводите силлогизмы к схемам?» (т. е. «или занимаетесь логикой?»).

⁴³ См. прим. 83 к I книге.

⁴⁴ Точно не известный материал, из которого делали сосуды (о таких сосудах часто говорит Плиний Старший как о предмете безумной роскоши у римлян).

⁴⁵ Ἀποφάσκων (sc. λόγος) — парадокс (переводят по-разному; например, J. M. Bochenski, *Ancient Formal Logic*, Amsterdam, 1951 — переводит The «answering»).

⁴⁶ Судя по употребленным в этом предложении словам $\mu \iota \kappa \rho \acute{\alpha}$ и $\mu \epsilon \gamma \acute{\alpha} \lambda \alpha$ (а не $\acute{\omicron} \lambda \iota \gamma \alpha$ и $\pi \omicron \lambda \lambda \acute{\alpha}$, как в § 22), по-видимому, здесь уже имеются в виду не материальные богатства.

⁴⁷ «детьми» — дополнено по конъектуре.

⁴⁸ Из так называемых «Золотых стихов», приписываемых Пифагору (стихи 40—44). См. также IV, 6, 32 слл.

⁴⁹ Пеан — бог-целитель, эпитет Аполлона. Этим словом стал обозначаться и жанр хоровой лирики (песнопения преимущественно в честь Аполлона).

же и при лихорадке следует руководствоваться мнениями относительно этого. Если у нас начнется лихорадка — не забрасывать все и не забывать. «Да если я еще займусь философией — пусть со мной будет что угодно!» Куда бы ни было уйти заботиться о брэнном теле, если туда и лихорадка не приходит ⁵⁰. (6) А занятие философией в чем заключается? Разве не в занятии подготовкой себя ко всему тому, что случается? Так не понимаешь ли ты, что ты говоришь нечто такое: «Да если я еще займусь подготовкой себя к тому, чтобы спокойно переносить все то, что случается, — пусть со мной будет что угодно!»? Это как если бы человек, получив удары, отказался заниматься всеборьем. (7) Но там можно прекратить борьбу и спасти свою шкуру, а здесь, если мы прекратим заниматься философией, — какая польза? Что же он должен говорить при каждом суровом испытании? «Для этого я упражнялся, для этого я закалялся». (8) Бог тебе говорит: «Представь мне доказательство того, по правилам ли ты боролся, столько ли ел, сколько следует, упражнялся ли, слушался ли учителя гимнастики ⁵¹». И вот на деле ты оказываешься бессильным? Сейчас пришло время переносить лихорадку — пусть это будет переноситься правильно, переносить жажду — переноси жажду правильно, переносить голод — переноси голод правильно. (9) Разве это не зависит от тебя? Кто тебе помешает? Да, пить помешает врач, но правильно переносить жажду — не может помешать, и есть он помешает, но правильно переносить голод — не может помешать. (10) «Но разве я не занимаюсь образованием»? А для чего ты занимаешься образованием? Рабское ты существо, не для того ли, чтобы жить в спокойствии? Не для того ли, чтобы быть стойким? Не для того ли, чтобы пребывать в состоянии соответствия с природой? (11) Что мешает переносящему лихорадку иметь высшую духовную часть ⁵² в состоянии соответствия с природой? Здесь испытание дела, проверка занимающегося философией. Ведь и это часть жизни: как прогулка, как совершение пути по морю, как совершение пути по суше — так и лихорадка. (12) Разве во время прогулки ты читаешь? — Нет. — Вот так и во время лихорадки. Но если ты совершаешь прогулку правильно — у тебя есть то, что должно быть у совершающего прогулку. Если ты переносишь лихорадку правильно — у тебя есть то, что должно быть у переносящего лихорадку. (13) Что значит переносить лихорадку правильно? Не жаловаться на бога, не жаловаться на человека, не удручаться происходящим, разумно и правильно ждать смерти, исполнять предписания. Когда приходит врач — не бояться, что он скажет. И если он скажет: «Положение у тебя прекрасно» — не радоваться чрезмерно. В самом деле, какое для тебя благо заключается в том, что он сказал тебе? Ведь когда ты был здоров — какое для тебя благо заключалось в этом? (14) И если он скажет: «Положение у тебя плохо» — не падать духом. В самом деле, что значит быть в плохом положении? Приближаться к отделению души от тела. Так что же в этом ужасного? Если ты не приблизишься к этому сейчас, разве не приблизишься позднее? Или мир перевернется, если ты умрешь? (15) Так что же ты льстишь врачу? Что говоришь: «Если ты захочешь, господин, положение у меня будет хорошо»? Что даешь ему основание высокомерно вздымать бровь? А не воздаешь ему по заслугам: как сапожнику — в том, что касается ноги, как строителю — в том, что касается дома, так и врачу — в том, что касается брэнного тела, то есть того,

⁵⁰ Это предложение, по-видимому, испорчено: неясна синтаксическая связь, неясно, кто говорит это. В текст вносятся разные исправления.

⁵¹ Буквально: «умащивателя» (учитель, натиравший тела своих учеников маслом). — «сколько... ел» — о соблюдении определенной диеты (см. XV, 3—4).

⁵² См. прим. 48 к I книге.

что не мое, того, что по природе мертво? Вот что уместно для переносящего лихорадку. Если он исполнит это — он имеет свое. (16) Ведь дело философа сохранять не то все, что относится к внешнему миру, ни винышко, ни маслишко, ни бречное тело, а — что? Свою собственную высшую духовную часть. А все то, что относится к внешнему миру, — как? Быть занятым всем этим лишь в пределах разумного. (17) Так где же тут еще уместность страха? Где же тут еще уместность раздражения? Где уместность страха за чужое, за ничего не стоящее? (18) Ведь нужно руководствоваться двумя этими мнениями: что вне свободы воли ничто не есть ни благо, ни зло, и что нужно не вести события, а следовать им. (19) «Брат не должен был так обойтись со мной». Нет. Но это он сам посмотрит. А я, как бы он со мной ни обошелся, сам я буду соблюдать свой долг по отношению к нему. (20) Это ведь — мое, а то — чужое. В этом никто не может помешать, а то — подвластно помехам.

XI. ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(1) Существуют некие, как бы по закону установленные, наказания для тех, кто не повинуетя божественному управлению: (2) «Кто будет считать благом что-то иное кроме того, что зависит от свободы воли, тот пусть завидует, пусть жаждет, пусть льстит, пусть будет в смятении. Кто будет считать злом иное, тот пусть огорчается, пусть сокрушается, пусть скорбит, пусть будет несчастен». (3) И все же, подвергаясь таким суровым наказаниям, мы не можем отказаться считать так.

(4) Помни, что говорит поэт о страннике:

Странник, нельзя то, если и хуже тебя кто пришел бы,
Странника мне не почтить: под охраной Зевса ведь каждый
Странник и нищий⁵³

(5) Так вот, этим и по отношению к отцу следует руководствоваться: «Нельзя то, если и хуже тебя кто пришел бы, мне отца не почтить: под охраной Зевса ведь каждый Отчего», (6) и по отношению к брату: «Под охраной Зевса ведь каждый Единокровственного». И вот так в соответствии с остальными нашими отношениями мы найдем блюстителем их — Зевса.

XII. ОБ УПРАЖНЕНИИ

(1) Упражнениями следует заниматься не прибегая к тому, что неестественно и необычайно, а то, конечно, мы, которые говорим, что занимаемся философией, ничем не будем отличаться от проделывателей трюков. (2) Ведь и ходить по канату — трудно, и не только трудно, но и опасно. Разве из-за этого и мы тоже должны приучать себя ходить по канату или ставить пальму⁵⁴ или обхватывать статуи⁵⁵? Отнюдь. (3) Для упражнения пригодно не то все, что трудно и опасно, но то, что способствует осу-

⁵³ «Одиссея», XIV, 56—58.

⁵⁴ φοῖβηξι ἰστάνειν — явно, какой-то акробатический номер, но в чем он заключается, неизвестно («пальма» — одно из многих значений слова φοῖβηξι), поэтому перевод условный.

⁵⁵ См. Д и о г. Л., VI, 23, где говорится, что Диоген Киник зимой обхватывал статуи, покрытые снегом, закаляя себя таким образом.

ществлению поставленной цели. (4) А в чем заключается осуществление поставленной цели? В стремлении и избегании быть неподвластным помехам. А это в чем заключается? Ни в своем стремлении не терпеть неуспех, ни в своем избегании не терпеть неудачу. Так вот, к этому и должно быть направлено упражнение. (5) Ведь поскольку невозможно добиться стремления, не терпящего неуспех, и избегания, не терпящего неудачу, без усиленного и постоянного упражнения, знай, что, если ты позволишь, чтобы упражнение обращалось в сторону вне этого, к тому, что не зависит от свободы воли, то ты не добьешься ни стремления, достигающего успеха, ни избегания, не терпящего неудачу. (6) И поскольку привычка имеет ведущую силу, а мы привыкли пользоваться стремлением и избеганием только по отношению к тому, что не зависит от свободы воли, то следует этой привычке противопоставить противоположную привычку и там, где представления очень неустойчивы, противопоставлять силу привычки, вырабатываемой упражнением. (7) У меня склонность к удовольствию. Я устремлюсь к противоположному, сверх меры, ради упражнения. У меня склонность к избеганию страдания. Я стану приучать и упражнять мои в этом отношении представления, для того чтобы избегание отступило от всего такого. (8) Ведь кто такой — упражняющийся? Тот, кто приучает себя стремлением не пользоваться, а избеганием⁵⁶ пользоваться только по отношению к тому, что зависит от свободы воли, притом приучает себя больше в трудноисполнимом. В соответствии с этим и следует одному больше упражняться в одном, другому — в другом. (9) Так к чему тут служит поставить палму или носить повсюду кожаную крышу, ступу и пест⁵⁷? (10) Человек, приучи себя упражнением, если ты вспыльчив, терпеливо сносить брань, не расстраиваться от оскорблений. Затем таким образом ты достигнешь того, чтобы, даже если кто-нибудь ударит тебя, сказать самому себе: «Сочти, что ты обхватил статую». (11) Затем упражнением приучи себя и винишком умело пользоваться, не в том отношении, чтобы уметь много пить (есть ведь такие несуразные, которые упражняются и в этом), но прежде всего в том, чтобы уметь воздержаться, и от девчонки воздерживаться, и от лепешечки. Затем когда-нибудь для испытания, если, конечно, придет этому время, ты выпустишь при удобном случае сам себя на борьбу, для того чтобы узнать, все так же ли одолевают тебя представления. (12) Но вначале беги далеко всего того, что сильнее. Неравна борьба между красивой девчонкой и молодым человеком, начинающим заниматься философией: «Горшок, — говорят, — и камень не в ладу». (13) После стремления и избегания второй вопрос — это вопрос, касающийся влечения и отталкивания⁵⁸: чтобы они были повинующимися разуму, чтобы не были несвоевременны, не были неуместны, не были в какой-нибудь иной такого рода несоразмерности. (14). Третий — это вопрос, касающийся согласий⁵⁸, вопрос относительно всего того, что правдоподобно и притягательно. (15) Ведь, как Сократ говорил, что правдоподобно и притягательно. (15) Ведь, как Сократ говорил, что неисследуемой жизнью нельзя жить⁵⁹, вот так и неисследуемым представлением нельзя принимать, но нужно говорить ему: «Погоди, дай посмотрю, кто ты и откуда идешь», как ночная стража: «Покажи мне условные знаки», — «Есть

⁵⁶ Текст испорчен. Переведено по принятому в изданиях восстанавливаемому тексту. По некоторым рукописям: «пользоваться стремлением и избеганием только...» (ср. XIII, 21).

⁵⁷ Т. е. «дом» и самое необходимое в хозяйстве. Вероятно, такой образ жизни вели некоторые киники.

⁵⁸ См. III, 2, 1 слл.

⁵⁹ См. П л а т о н, Апология Сократа, 38а.

ли у тебя опознавательный знак от природы, который должен быть у представления, для того чтобы оно было принято»? (16) И наконец, все то, что применяется для тела закаляющими его, если как-то направлено к стремлению и избеганию, это тоже, пожалуй, годится для упражнения, а если — к выставлению напоказ, то это свойственно тому, кто обращен к внешнему, охотится за чем-то иным, ищет зрителей, которые будут говорить: «Великий человек!» (17) Поэтому правильно Аполлоний ⁶⁰ говорил: «Когда хочешь поупражняться для самого себя, ты, испытывая жажду когда-нибудь во время жары, втяни глоток холодной воды и выплюнь, и никому не говори об этом».

⁶⁰ Неизвестно, какой Аполлоний имеется в виду.

(Продолжение III книги следует)
